

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ: К ПРЕОДОЛЕНИЮ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ДИХОТОМИИ (на примере Первой мировой войны)*

Поршнева Ольга Сергеевна,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Уральский гуманитарный институт,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории международных
отношений,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-000232657010,
E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

Статья поступила в редакцию 26.03.2020, принята к публикации 09.06.2020

Для цитирования: Поршнева О.С. Исследование политики памяти: к преодолению методологической дихотомии (на примере Первой мировой войны) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 128-141. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10208

Аннотация

Целью статьи является разработка методологических принципов и условий преодоления теоретической дихотомии в исследовании политики памяти применительно к Первой мировой войне. Показано существование двух основополагающих парадигм в исследовании проблемы: «политической»/национальной, восходящей к трудам Э. Хобсбаума и Б. Андерсена, и, с другой стороны, – транснациональной и транскультурной, обоснованной в работах Дж. Уинтера. Проанализированы эвристические возможности и ограничения обоих подходов, достижения в изучении политики памяти на их основе, выявлены элементы, позволяющие реализовать методологический синтез, обозначены перспективы создания комплексной теории и инструментария исследования темы. Показаны первые шаги в историографии

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

© Поршнева О.С., 2020

по преодолению ограниченности обоих подходов, соединяющие «национальную»/политическую и транснациональную/антропологическую перспективы исследования. Научная новизна статьи определяется постановкой проблемы и предложением путей ее решения.

Ключевым для преодоления методологической дихотомии в изучении темы может стать выявление и интерпретация связи между актуальными общественно-политическими процессами, образом военного прошлого и практиками коммемораций. Данная взаимосвязь воплощается в «борьбе за память» государства и общества, проявляется в изменении ритуальной политики и заложенных в ней «посланий», корректировке коммеморативных практик. Вовлечение в анализ факторов международного характера, внутривнутриполитических процессов, мемориальных инициатив гражданского общества позволяет более глубоко осмыслить преемственность и разрыв в национальных традициях памяти и способах их репрезентации, выявить взаимосвязь национальных, социальных и индивидуальных форм и вариантов памяти о Великой войне.

Показано, что взаимодействие государства и общества в процессе выработки коллективной памяти о войне происходит особенно активно в периоды подготовки и проведения годовщин ее событий, и, в первую очередь – юбилеев. В эти годы акторы политики памяти прилагают усилия по формированию, корректировке, изменению/сохранению ритуалов и заложенных в них посланий, отражающих то или иное толкование смысла человеческих жертв и потерь и, в целом, – смысла войны. Приобретая возросшую общественную значимость, военные юбилеи превращаются в медийные события, являются пространством борьбы и взаимодействия мемориальных нарративов.

Ключевые слова:

Политика памяти, Первая мировая война, методология, юбилеи.

UDC 32.019.51

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10208

THE STUDY OF THE POLITICS OF MEMORY: TO OVERCOME THE METHODOLOGICAL DICHOTOMY (On the Example of the First World War)

Porshneva Olga Sergeevna,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ural Institute of Humanities,
Doctor of History, Professor,
Head of the Department of Theory and History of the International Relations,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-000232657010,
E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

Article received on March 26, 2020, accepted on June 9, 2020

To cite this article: Porshneva, O.S. (2020). Issledovanie politiki pamyati: k preodoleniyu metodologicheskoy dixotomii (na primere Pervoj mirovoj vojny) [The study of the politics of memory: To overcome the methodological dichotomy (on the example of the First World War)]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2(39), 128-141. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10208

Abstract

The goal of the article is to develop methodological principles and conditions for overcoming the theoretical dichotomy in the study of memory politics in relation to the First World War. The existence of two fundamental paradigms in the study of the problem is shown: "political"/national, going back to the works of E. Hobsbawm and B. Anderson, and, on the other hand, transnational and transcultural, substantiated in the works of J. Winter. Heuristic possibilities and limitations of both approaches, advances in the study of memory politics based on them are analyzed; the elements that enable the implementation of methodological synthesis are identified; the prospects for creating a comprehensive theory and tools for researching the topic are shown. The author analyzes first historical works which overcoming the limitations of both approaches, combining the "national"/political and transnational/anthropological perspectives of the study. The scientific novelty of the article is determined by the statement of the problem and the suggestion of ways to solve it.

The key to overcoming the methodological dichotomy in the study of the topic may be identified as revelation and interpretation of the relationship between current socio-political processes, the image of the war past and the practice of commemoration. This relationship is embodied in the "struggle for memory" of the state and society, manifested in a change in the ritual policy and the "messages" embodied in it, and in the adjustment of commemorative practices. Involvement in the analysis of factors of an international character, domestic political processes, memorial initiatives of civil society allows us to more deeply understand the continuity and discontinuity in the national traditions of memory; it also helps us to comprehend the ways of their representation, to identify the relationship of national, social and individual forms of memory about the Great War.

It is shown that the interaction of the state and society in the process of developing a collective memory of the war is especially active during the preparation and conduct of the anniversaries of its events, and, in the first place, jubilees. During these years, memory politics' actors have been making efforts to formulate, correct, modify/preserve the rituals and messages embedded in them, reflecting one or another interpretation of the meaning of human casualties and losses, and, in general, the meaning of war. Acquiring increased social significance, military anniversaries turn into media events, being a space of struggle and interaction of memorial narratives.

Keywords:

politics of memory, World War I, methodology, anniversaries.

Введение

Первая мировая война, как тотальная война, самым тесным образом связана с развитием современной политики управления массами, переходом от управления территориями к управлению населением. Она породила современные методы и инструменты массовой политики и пропаганды, распространение новых представлений о взаимоотношениях государства и общества, возможность переделки сознания и поведения человека (Холквист, 1999, с. 83–101). Тем самым Первая мировая война дала мощный импульс развитию политики памяти и исторической политики в XX веке.

В трактовке термина «политика памяти» мы разделяем подход А. Миллера, который вводит его как понятие «для обозначения всей сферы публичных стратегий в отношении прошлого, то есть концептуализации, практик коммеморации и преподавания истории», а историческую политику, – как частный случай политики памяти, для которой «характерно активное участие властных структур, конфронтационный характер и преследование партийных интересов» (Националистическая платформа или либеральные ..., 2017).

В советской России/СССР, в отличие от Запада, официальная память об «империалистической» войне была превращена в элемент мифа о Революции, подчинена его логике, а сама война оказалась «забытой» на целый ряд десятилетий¹. В Европе уже в межвоенный период память о Великой войне, как ее называли современники, стала доминирующим мемориальным проектом (Колоницкий, 2014 с. 199–216), сохраняющим важное общественное значение по сей день. Этот фактор, наряду с дискуссионностью ряда аспектов осмысления политики памяти в отношении Первой мировой войны, определяет актуальность рассмотрения современных концепций западной историографии, применяющихся при изучении рассматриваемого явления. Их анализ позволяет не только прояснить эвристический потенциал сложившихся методологических подходов, их возможности и ограничения, но и более глубоко осмыслить природу политического, наметить пути методологического синтеза в исследовании политики памяти и мемориальной культуры.

Историческая память и политика памяти в отношении Первой мировой войны, становление и эволюция мемориальной культуры стали популярными темами, воплощающими «мнемонический поворот» в историографии, наблюдающийся с 1980-х гг. по настоящее время (Ashplant et al., 2004; Heathorn, 2005; Hynes, 1990; Mosse, 1990; Winter, 1996, 2006). В исследовании этой проблематики проявилась приверженность авторов двум основополагающим парадигмам: во-первых, «политической»/национальной, восходящей к трудам Э. Хобсбаума и Б. Андерсена (Anderson, 1991; Hobsbawm, & Ranger, 1993), рассматривающей феномены памяти как тесно связанные с ритуалами и практиками национальной самоидентификации – ключевого элемента символического репертуара, «скрепляющего» нацию-государство и объединяющего граждан благодаря формирова-

¹ Понятие «Забытая война» применительно к Первой мировой войне должно использоваться с оговорками, для сравнения политики памяти и мемориальной традиции в России и на Западе (см. Поршнева, 2019).

нию коллективной национальной идентичности; во-вторых, транснациональной и транскультурной, обоснованной в работах Дж. Уинтера (Winter, 1996, 2006), в рамках которой практики коммемораций рассматриваются в антропологическом ключе, как выражение человеческой скорби и потребности в психологической реабилитации от потерь и пережитых страданий. В данной парадигме мемориальные практики интерпретируются как естественная реакция человека на смерть и страдания, в огромных масштабах порождаемых войной, выражение универсальной человеческой потребности в публичных ритуалах поминовения.

Результаты исследования

Для разработки путей преодоления указанной дихотомии рассмотрим эвристические возможности и ограничения обоих подходов, выявим элементы, позволяющие реализовать методологический синтез, обозначим перспективы создания комплексной теории и инструментария исследования.

Определяющую роль в формировании национальной идентичности, как подчеркивал один из основоположников «политической» парадигмы Б. Андерсон, играет мемориализация военного прошлого и связанная с ней символическая политика. «У современной культуры национализма нет более захватывающих символов, чем монументы и могилы Неизвестного солдата. Публичное церемониальное благоговение, с каким относятся к этим памятникам именно в силу того, что либо они намеренно оставляются пустыми, либо никто не знает, кто внутри них лежит, поистине не имеет прецедентов в прежней истории», – пишет Б. Андерсон (Anderson, 1991, p. 9).

Б. Андерсон объяснил происхождение нарративов национальной идентичности, определяющих национальный дискурс памяти, связав их со спецификой мнемонических процессов. Он писал, что человек не может достоверно вспоминать свое далекое прошлое, так как все глубинные изменения в сознании, в силу самой своей природы, несут с собой и характерные амнезии. Из таких забвений в особых исторических обстоятельствах рождаются нарративы идентичности: поскольку об идентичности нельзя «помнить», необходимо ее «рассказывать» (Anderson, 1991, p. 204). Национальная идентичность строится на нарративе, связывающем настоящее с прошлым, «отсылающем» к историческому прошлому. «Поскольку у нации нет Творца, – пишет Б. Андерсон, – ее биография не может быть написана по-евангельски, «от прошлого к настоящему»... Единственная альтернатива – организовать ее «от настоящего к прошлому» (Anderson, 1991, p. 205).

Другой «отец-основатель» парадигмы, Э. Хобсбаум, обосновал роль «изобретенных традиций» в формировании и закреплении ценностей национального государства. Он отмечал, что изобретенные традиции означают набор практик, в основе которых находятся открыто или молчаливо принятые правила ритуальной и символической природы. Они направлены на привитие определенных ценностей и норм поведения, что автоматически подразумевает преемственность с прошлым (Hobsbawm & Ranger, 1993, p. 78–79). При этом правила, ценности и нормы изобретенных традиций подразумевают установление преемственности с «подходящим» историческим прошлым. Новые традиции – это ответы на актуальные ситуации, которые приобретают форму ссылки на древнее, «славное

прошлое» (Hobsbawm & Ranger, 1993, p. 1–2). Таким образом, Э. Хобсбаум объясняет роль «изобретенной» традиции тем, что в быстро меняющемся мире модернизировать государство нуждаются в обосновании стремительных изменений путем их легитимации с помощью традиции.

Дж. Уинтер, лидер второго направления, в свою очередь подчеркивает универсальный характер мемориальных практик, как выражения потребности «вернуть тела погибших домой, положить их на вечный покой символически и физически», что, по его мнению, предопределило всеобщий характер коммемораций после войны 1914–1918 гг. (Winter, 1996, p. 28)². Уинтер рассматривает военные мемориалы как центры ритуалов, риторики и церемоний утраты, выражавших экзистенциальные аспекты, связанные с индивидуальными переживаниями, объединявшими людей в группы со сходным опытом – «fictive kinship groups». Военные мемориалы были, таким образом, – заключает Уинтер, – связаны не только с художественными формами, политическими, национальными ожиданиями и коллективными репрезентациями, но и со сходным опытом, потребностями и активностью конкретных людей (Winter, 1996, p. 78–79; Winter, 2006, p. 139–143). Подчеркивая важность исследования роли социальных акторов мемориальных процессов, Дж. Уинтер призывает уважать национальные формы памяти, избегая «ослепления ими». Места памяти, отмечает он, создаются не только народами, но в первую очередь небольшими группами мужчин и женщин, которые выполняют работу памяти. Они являются «социальными агентами» памяти, без их работы коллективная память не существовала бы (Winter, 2006, p. 136). Он характеризует язык и способы коммемораций, порожденные Великой войной, – поэзию и прозу, документальную и художественную, монументальное и изобразительное искусство, – подчеркивая их универсальные черты. Характеризуя европейскую мемориальную культуру, он пишет: «Поэзия воскрешала павших на войне в памяти с помощью метафор, общих для всех языков» (Winter, 1996, p. 73), «два мотива – война как благородное и возвышающее дело и как трагедия, невыносимое горе присутствовали во всех послевоенных мемориалах. Баланс между ними не был зафиксирован, использовались традиционные религиозные символы» (Winter, 1996, p. 85).

В более поздних работах Дж. Уинтер уделит значительное внимание анализу путей превращения личного опыта комбатантов в элементы культурной памяти, выявлению механизмов этого процесса. Последнее позволяет более глубоко осмыслить соотношение опыта войны и памяти о ней на уровне индивидуальной психики и индивидуального сознания. Уинтер пишет: «Со временем их (солдат, комбатантов – О.П.) военный опыт стал основным материалом, из которого возникли новые политические и социальные идентичности. «Опыт» не изменился; изменилось только его положение. Субъекты не могут охватить опыт внешнего мира; они строят опыт внутри себя, как часть их чувства того, кто они есть» (Winter, 2006, p. 115). «Опыт» меняется по мере изменения жизни рассказчика. Поскольку идентичности не зафиксированы, ничто не является

² Следует заметить, что исключением среди стран-участниц войны стала советская Россия, где память о героях Первой мировой была вытеснена из общественного сознания памятью о жертвах Революции и Гражданской войны, а коммеморации были посвящены героям нового, а не старого режима.

«опытом». Это «история» субъекта, выраженная в определенный момент на языке субъекта. Этот язык не универсален; он является специфическим, локализованным и в основном региональным или национальным по форме» (Winter, 2006, p. 116).

По справедливому замечанию Стефана Хиторна, использование Уинтером термина «места памяти» в названии и тексте его работы, свидетельствует о признании им концепции Пьера Нора и парадигмы «коллективной памяти» (Heathorn, 2005, p. 1111). Нора предложил подход к изучению памяти, в котором акт запоминания рассматривается как сложная социальная и культурная конструкция, в которой конкретные места/объекты ассоциируются с конкретными представлениями о прошлом. При этом память о прошлом и профессиональное историческое знание им принципиально различаются (Нора, 1999). Память в этой концепции выступает как динамическое взаимодействие, существующее между прошлым и настоящим, которое может быть проанализировано путем исследования значений, приписываемых оставшимся следам воспоминаний и местам памяти. Очевидно, что этот подход предполагает приоритетное внимание к изучению политики памяти и задействованных в ней коммеморативных процессов, конструирующих и закрепляющих конкретное значение событий прошлого, востребованное настоящим.

Разграничение истории и памяти как двух форм «работы с прошлым» характерно и для основоположника концепции коллективной памяти М. Хальбвакса. Основная идея Хальбвакса заключается в том, что память имеет социальную природу, память индивида конструируется концептуальными структурами, разделяемыми сообществом, или групповыми идентичностями (Хальбвакс, 2007). П. Хаттон справедливо замечает, что теория Хальбвакса особенно привлекательна для историков, изучающих политику коммемораций, так как они опираются на его идею о том, что коллективная память постоянно подвергается ревизии, чтобы соответствовать задачам настоящего (Хаттон, 2004, с. 42).

Данный методологический подход, как постмодернистский, вызывает возражения П. Хаттона, который ставит под сомнение правомерность исследования памяти как сознательного конструирования прошлого, осуществляемого с помощью целенаправленных техник коммемораций. В противовес этому Хаттон подчеркивает роль традиции в репрезентациях прошлого и его восприятии: «Историки коммеморации стремились заключить в скобки вопрос о том, что может быть аутентичным в традиции или какой силой влияния прошлое обладает само по себе, независимо от наших сознательных попыток его восстановить» (Хаттон, 2004, с. 13). Хаттон не только постулирует объективное существование национальных традиций, но и их влияние на восприятие обществом своего прошлого. Это относится и к традициям историописания, так как история, по Хаттону, – разновидность памяти: «Историки также погружены в традицию и обязаны признать ее власть» (Хаттон, 2004, с. 74), так как «воображение, подразумеваемое в скрытых привычках нашего ума, остается важным для занятий историка» (Хаттон, 2004, с. 73).

Важную роль в понимании механизмов реализации политики памяти играет разработанная Яном Ассманом теория культурной памяти. Культурная память трактуется Ассманом как особая символическая форма фиксации и передачи культурных значений: «Прошлое скорее сворачивается здесь в символические

фигуры, к которым прикрепляется воспоминание», – пишет он (Ассман, 2004, с. 54). Культурная память является формализованной и ритуализованной, выражается в текстах и коммеморативных практиках, мемориальных памятниках разного рода, сохраняется традицией. Культурная память, по мысли Я. Ассмана, принципиально отличается от коммуникативной памяти – живой, мало формализованной, недолговечной, представленной «повседневной» памятью участников и очевидцев событий (Ассман, 2004, с. 51).

Политика памяти, как очевидно, направлена на актуализацию и закрепление в сознании общества конкретных смыслов тех или иных событий прошлого посредством символов, ритуалов, церемоний, мемориалов, превращения их в элементы культурной памяти. Поскольку культурная память включает нормативно-ценностный компонент и выступает в качестве одного из регуляторов социального поведения, наиболее активным актором политики памяти является государство. Власть использует инструменты политики памяти для поддержания/трансформации культурной памяти общества посредством закрепления в его сознании актуальных, с ее точки зрения, символов и образов исторических событий. Особую роль в этом играют мемориалы, которые, как пишет антрополог К. Вердери, «могут заново обозначить пространство и время, способствовать созданию и консолидации новых идентичностей и сакрализовать новые власти» (Орловски, 1999, с. 53).

Современные теоретические достижения лингвистов, антропологов и других представителей гуманитарных наук позволяют связать исследование памяти с традициями и интерпретативными практиками этнических и национальных сообществ. Это дает новые междисциплинарные основания изучению политики памяти и публичных коммемораций, не противоречащие подходам национальной парадигмы, и одновременно вовлекает культурно-психологический ракурс рассмотрения этих феноменов. Как отмечает Ю.Ю. Хмелевская, «лингвисты и специалисты в сфере коммуникации пришли к выводу, что вспоминать – это значит прочитывать прошлое; такое чтение требует лингвистических (языковых) навыков, характерных для традиций объяснения и рассказа в данной культуре, и представляет прочитанное в нарративе, который своим значением глубоко связан с интерпретативными практиками сообщества» (Хмелевская, 2004, с. 12). Результаты изучения антропологами «телесных» практик, воплощающихся в церемониях и ритуалах, позволили углубить понимание природы публичных коммемораций как особой формы коллективного припоминания, которая может быть интерпретирована подобно языку или писаному тексту (Хмелевская, 2004, с. 12).

Политический/национальный и психологический аспекты рассмотрения темы не могут быть, как очевидно из вышеизложенного, разделены «непроеходимой стеной». Это связано и с тем, что политика памяти всегда включает в себя скорбь (ритуалы скорби), а также способы преодоления психологических и физических потерь, связанных с войной (Ashplant et al., 2004, p. 9).

Кроме того, в процессе и того, и другого взаимодействуют их составляющие элементы и акторы: государство, гражданское общество и индивиды, поскольку все они вовлечены в конструирование конкретного смысла и значения смерти на войне. При этом коммеморативная активность гражданского общества находит место в контексте «официальных толкований», влияющих

на понимание того, кого и в каких терминах следует вспоминать. Можно согласиться с авторами коллективной монографии «Commemorating War: The Politics of Memory» в том, что и тот, и другой подходы не могут прояснить до конца пути трансформации национальных/социальных нарративов памяти в индивидуальные и их взаимодействия. Чтобы избежать методологической дихотомии, – справедливо утверждают авторы, – надо подвергнуть теоретическому анализу взаимосвязи между официальными (государственными), гражданскими и индивидуальными элементами политики памяти и практик коммемораций (Ashplant et al., 2004, p. 11–12). Следует изучать политический и культурный процессы, воплощающие память и наделение смыслом ритуалов; проследить эффекты этих процессов и конфликты их сопровождающие, – все то, что обеспечивает переход от сферы социального к сфере индивидуального и наоборот (Ashplant et al., 2004, p. 11–12).

В русле методологического подхода, «соединяющего» политические и культурно-психологические аспекты коммемораций и памяти о войне, правомерно исследовать взаимодействие акторов политики памяти в процессе модификации, поддержания и наделения смыслом ритуалов, посвященных Первой мировой войне в 20 – начале 21 вв. Следует учесть, что в процессе выработки коллективной памяти о войне, закрепленной в государственных ритуалах, данное взаимодействие происходило особенно активно в периоды годовщин военных событий, и, в первую очередь, – их юбилеев. В эти годы акторы политики памяти предпринимали усилия по формированию, корректировке, изменению/сохранению ритуалов и заложены в них посланий, отражавших то или иное толкование смысла человеческих жертв и потерь и в целом – смысла войны. Эти усилия наглядно демонстрирует история межвоенного периода (Hynes, 1990; Theodosiou, 2018).

Юбилеи Великой войны на Западе после Второй мировой войны, начиная с 50-й годовщины, демонстрировали неуклонный рост общественного внимания к многообразным аспектам и проявлениям военного опыта, истории Первой мировой войны (Brand, 2014). Приобретая возросшую общественную значимость, военные юбилеи создавали возможность для проявления конкурирующих вариантов памяти, что ярко проявилось в период 100-летнего юбилея событий Первой мировой войны в 2014–2018 гг. Правительства большинства стран-участниц войны непрерывно испытывали давление различных общественно-политических сил, активных в «борьбе за память», по-разному на него реагируя, вступая то в диалог с ними, а то и в противостояние и даже конфликт. В частности, в Великобритании в дни 100-летнего юбилея войны выявилась напряженность в отношениях между официальной и неофициальными версиями коллективной памяти и истории этих событий, вызвавшая профессиональные и общественные дебаты (Muscok, 2014, p. 153–163). Историк Э. Мукок отмечает, что позиция правительства Великобритании, заявлявшего, что его роль в проведении юбилея сводится к обеспечению руководства и поддержке в организации общественных коммемораций, хоть и понятна, но наивна. Оно недооценивает собственную роль в стимулировании идеологически обоснованных границ, касающихся того, как конфликт должен вспоминаться и что представляет собой его наследие для современного британского общества (Muscok, 2014, p. 161). Путем конструирования 100-летнего юбилея Первой мировой войны в рамках

«национального» дискурса правительство, по мнению историка, «провалилось» в полном признании и осознании того, до какой степени мультинациональная структура британского государства оказывала и продолжает оказывать воздействие на разделение, иерархизацию и фрагментацию памяти британского общества о войне (Musock, 2014, p. 161).

Действительно, в период 100-летнего юбилея войны, ознаменованного реализацией в 2014–2018 гг. целого ряда коммеморативных проектов (Голубинов, 2019, с. 69–72), проявилось стремление правительства утвердить и «продвинуть» национальный дискурс памяти о войне. Это прозвучало в 2014 г. в призыве министра образования Майкла Гоува «бороться с мифами о войне» и «уничтожением подвига британских солдат», реабилитировавшем идеи «справедливой войны» и «священной жертвы, которую принесли солдаты, отдав свои жизни в борьбе с германской агрессией» (Голубинов, 2019, с. 71). Однако академический мир Великобритании, как отмечает Я. А. Голубинов, скорее осудил такое заявление, а многие историки подчеркивали, что нельзя превращать столетие в повторение пропагандистских клише эпохи самой Великой войны, так как это не приблизит общество к пониманию причин последней, политических и социальных феноменов столетней давности (Голубинов, 2019, с. 71). В период юбилея, в 2014–2018 гг., действовала и противоположная национальной парадигме тенденция памяти: был пересмотрен вклад в борьбу жителей доминионов и колоний, создан ряд проектов, освещающих роль азиатских и африканских стран и народов в годы Первой мировой войны, что способствовало более глобальному и масштабному взгляду на войну (Голубинов, 2019, с. 70, 74).

Симптоматично, что исследования, соединяющие две оптики рассмотрения политики памяти, «национальную» и «антропологическую», активно ведутся с 1990-х гг. Одним из удачных опытов преодоления методологической дихотомии являются работы А. МакЛана Кинга (King, 1993, 1998). В своей докторской диссертации он поставил задачу изучить, как общественный отклик на войну приобретал в Великобритании 1914–1939 гг. формы официальных коммеморативных практик (King, 1993, p. 2). Автор в диссертации и вышедшей в 1998 г. монографии реализовал эту задачу через реконструкцию мемориальной активности акторов гражданского общества и местных политических институтов – комитетов по сооружению военных мемориалов, органов местного управления и самоуправления, добровольных ассоциаций, прессы. Преодоление Кингом односторонности психологического подхода проявилось в обосновании тезиса о том, что коммеморации были проявлением не только скорби по погибшим в войне и имели отношение не только к этому феномену. Они, как обоснованно утверждает автор, содержали дидактическую цель, вдохновляли дискуссии вокруг актуальных политических проблем, ведущиеся в понятиях, связывавших их с идеалами гражданства, утвержденными подвигом павших. Однако, как подчеркивает Кинг, что именно коммеморации должны были означать для общества, было предметом политических дебатов. Установился консенсус по поводу того, что память о мертвых должна быть священной, но как их подвиг должен быть понимаем, было открыто для различных интерпретаций. Различия выражались в «пристрастном» придании разными акторами значений символам мемориалов и церемоний. Священная задача прославления павших давала возможность приверженцам различных политических, социальных, религиозных групп для

продвижения своих интересов настолько, насколько они могли сформулировать их как размышления о войне и ее последствиях (King, 1993, p. 3–4).

Заключение

Таким образом, теоретические достижения социально-гуманитарных наук и результаты «мнемонического поворота» в историографии Первой мировой войны свидетельствуют о возможностях преодоления методологической дихотомии в исследовании политики памяти. Пути его реализации связаны с методологическим синтезом, использованием подходов и инструментария обеих парадигм – национальной и транснациональной, в исследовании символической политики и практик коммемораций. Если первая ориентирует на выявление механизмов превращения социальной памяти в «значимое национальное прошлое», интерпретацию национальных символов и образов исторических событий, то вторая – на анализ универсальных антропологических характеристик коммемораций и роли конкретных акторов данного процесса. Однако именно исследование политики памяти требует, как показано выше, соединения этих двух перспектив, показа того, как происходит «наделение смыслом» и символизация национального прошлого в процессе взаимодействия акторов памяти, реализующих мемориальные проекты и транслирующих мемориальные нарративы.

Ключевым для преодоления методологической дихотомии в изучении темы может стать показ связи между историческим контекстом, общественно-политическими процессами, переосмыслением опыта войны и мемориальными практиками. Последнее отражается в «борьбе за память» государства и общества, имеет следствием изменение ритуальной политики и заложенных в ней «посланий», корректировку коммеморативных практик. Вовлечение в анализ факторов международного характера, внутривнутриполитических процессов, мемориальных инициатив гражданского общества позволяет более глубоко осмыслить преемственность и разрыв в национальных традициях памяти и способах их репрезентации, выявить взаимосвязь национальных, социальных и индивидуальных форм и вариантов памяти о Великой войне.

Список литературы

1. Ассман, Я. (2004). *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* (перевод с нем. М.М. Сокольской). М.: Языки славянской культуры.
2. Голубинов, Я. А. (2019). Столетие Первой мировой войны в Великобритании и изучение конфликта в школах королевства. В К. А. Пахалюк (Ред.), *Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сб. ст.* (Вып. 2, с. 69–72). М.; СПб.: Нестор-История.
3. Колоницкий, Б. И. (2014). Первая мировая война: культура эпохи и социальная память, *Звезда*, 11, 199–216.
4. *Националистическая платформа или либеральные версии истории? Историографические развилки последних десятилетий в версии Алексея Миллера* (2017, 30 января). Взято 27 августа 2018, с <http://gefter.ru/archive/author/>

miller

5. Нора, П., Озуф, М., Пюимеж, Ж. де, Винок, М. (1999). *Франция-память*. СПб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та.

6. Орловски, Д. (1999). Великая война и российская память. *Россия и Первая мировая война. Сб. ст.* СПб.: СПб. Ин-т Истории РАН, «Дмитрий Буланин».

7. Поршнева, О. С. (2019). Юбилей Первой мировой войны в раннесоветский период: проблемы современного научного осмысления. *Уральский исторический вестник*, 2(63), 56–63.

8. Хальбвакс, М. (2007). *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство.

9. Хаттон, П. (2004). *История как искусство памяти*. СПб.: Владимир Даль.

10. Хмелевская, Ю. (2004). О меморизации истории и историзации памяти. *Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии* (с. 431–452). Челябинск: Каменный пояс.

11. Холквист, П. (1999). Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте. *Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquiuma. Сб. ст.* (с. 83–101). СПб.: СПб. Институт истории РАН, «Дмитрий Буланин».

12. Anderson, B. (1991). *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso.

13. Ashplant, T.G., Dawson, G., & Roper, M. (Eds.). (2004). *Commemorating War: The Politics of Memory*. New Brunswick, N.J.; London: Transaction.

14. Brandt, S. (2014). Memory of the War: Popular Memory 1918–1945, 1945 to the Present (Version 1.1). *1914–1918 Online International Encyclopedia of the First World War*. Retrieved April 18, 2018, from <http://www.1914-1918-online.net/>

15. Hobsbawm, Eric, & Ranger, Terence (Eds.). (1993). *The invention of tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.

16. Heathorn, S. (2005). The Mnemonic Turn in the Cultural Historiography of Britain's Great War. *The Historical Journal*, 48(4), 1103–1124.

17. Hynes, S. (1990). *A War Imagined: First World War and English culture*. London: the Bodley Head.

18. King, A. (1993). *The Politics of Meaning in the Commemoration of the First World War in Britain, 1914–1939* [Ph.D. Thesis, University of London].

19. King, A. (1998). *Memorials of the Great War in Britain: the Symbolism and Politics of Remembrance*. Oxford: Berg.

20. Mosse, G.L. (1990). *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. New York; Oxford: Oxford university press.

21. Mycock, A. (2014). The First World War Centenary in the UK: 'A Truly National Commemoration'? *Round table: a quarterly review of the politics of the British Commonwealth*, 103(2), 153–163.

22. Theodosiou, C. (2018). *Le deuil inachevé. Lacommémoration de l'Armistice du 11 Novembre 1918 en France dans l'entre-deux-guerres*. Paris: Éditions de la Sorbonne.

23. Winter, J. (1996). *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge university press.

24. Winter, J. (2006). *Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century*. New Haven & London: Yale University Press.

References

1. Anderson, B. (1991). *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso.
2. Ashplant, T.G., Dawson, G., & Roper, M. (Eds.). (2004). *Commemorating War: The Politics of Memory*. New Brunswick, N.J.; London: Transaction.
3. Assman, Ya. (2004). *Kul'turnaia pamiat': pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaiia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity] (translation from German by M.M. Sokol'skaya). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
4. Brandt, S. (2014). Memory of the War: Popular Memory 1918–1945, 1945 to the Present (Version 1.1). *1914–1918 Online International Encyclopedia of the First World War*. Retrieved April 18, 2018, from <http://www.1914-1918-online.net/>
5. Golubinov, Ya. A. (2019). Stoletie Pervoi mirovoi voiny v Velikobritanii i izuchenie konflikta v shkolakh korolevstva [Centenary of the First World War in Great Britain and the study of conflict in the schools of the kingdom]. In K. A. Pakhaliuk (Ed.), *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom: Sb. st.* (Issue 2, pp. 69–72). M.; SPb.: Nestor-Istoriia.
6. Halbwachs, M. (2007). *Social'nye ramki pamyati* [Social frameworks of memory]. M.: Novoe izdatel'stvo.
7. Hatton, P. (2004). *Istoriia kak iskusstvo pamiati* [History as an Art of Memory]. SPb.: Vladimir Dal'.
8. Heathorn, S. (2005). The Mnemonic Turn in the Cultural Historiography of Britain's Great War, *The Historical Journal*, 48(4), 1103–1124.
9. Hobsbawm, Eric, & Ranger, Terence (Eds.). (1993). *The invention of tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Holkvist, P. (1999). Total'naiia mobilizatsiia i politika naseleniia: rossiiskaia katastrofa (1914–1921) v evropeiskom kontekste [Total mobilization and public policy: the Russian catastrophe (1914–1921) in the European context], *Rossiya i Pervaya mirovaya voina. Sb. st.* [Russia and First World War. Digest of articles] (pp. 83–101). SPb.: SPb. Institut istorii RAN, «Dmitrii Bulanin».
11. Hynes, S. (1990). *A War Imagined: First World War and English culture*. London: the Bodley Head.
12. Khmelevskaia, Yu. (2004). *O memorizatsii istorii i istorizatsii pamiati* [On the memorialization of history and the historicization of memory]. *Vek pamiati, pamiat'veka: Opyt obrashcheniia s proshlym v XX stoletii* (pp. 431–452). Cheliabinsk: Kamennyi poias.
13. King, A. (1993). *The Politics of Meaning in the Commemoration of the First World War in Britain, 1914–1939* [Ph.D. Thesis, University of London].
14. King, A. (1998). *Memorials of the Great War in Britain: the Symbolism and Politics of Remembrance*. Oxford: Berg.
15. Kolonitsky, B.I. (2014). *Pervaya mirovaya voina: kul'tura epokhi i sotsial'naya pamyat'* [The First World War: Culture of the Epoch and Social Memory],

Zvezda, 11, 199–216.

16. Mosse, G.L. (1990). *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. New York; Oxford: Oxford university press.

17. Mycock, A. (2014). The First World War Centenary in the UK: 'A Truly National Commemoration'? *Round table: a quarterly review of the politics of the British Commonwealth*, 103(2), 153–163.

18. *Natsionalisticheskaya platforma ili liberal'nye versii istorii? Istoriograficheskie razvilki poslednikh desyatiletii v versii Alekseya Millera* [Nationalistic platform or liberal versions of history? Historiographical forks of recent decades in the version of Alexey Miller]. (2017, January 30). Retrieved August 27, 2018, from <http://gefeter.ru/archive/author/miller>

19. Nora, P., Ozuf, M., Piuimezh, Zh. de, & Vinok, M. (1999). *Frantsija-pamiat'* [France-memory]. SPb.: Izd-vo S. – Peterb. un-ta.

20. Orlovsky, D. (1999). *Velikaya voina i rossijskaya pamyat'* [The Great War and the Russian Memory]. *Rossiya i Pervaya mirovaya voina. Sb. st.* [Russia and First World War. Digest of articles] (pp. 49–57). SPb.: Institut istorii RAN, «Dmitrii Bulanin».

21. Porshneva, O.S. (2019). *Iubilei Pervoi mirovoi voiny v rannesovetskij period: problemy sovremennogo nauchnogo osmysleniia* [The First World War anniversaries in the Early Soviet Period: problems of modern scientific comprehension]. *Ural Historical Journal*, 2(63), 56–63.

22. Theodosiou, C. (2018). *Le deuil inachevé. Lacommemoration de l'Armistice du 11 Novembre 1918 en France dans l'entre-deux-guerres*. Paris: Éditions de la Sorbonne.

23. Winter, J. (1996). *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge university press.

24. Winter, J. (2006). *Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century*. New Haven & London: Yale University Press.